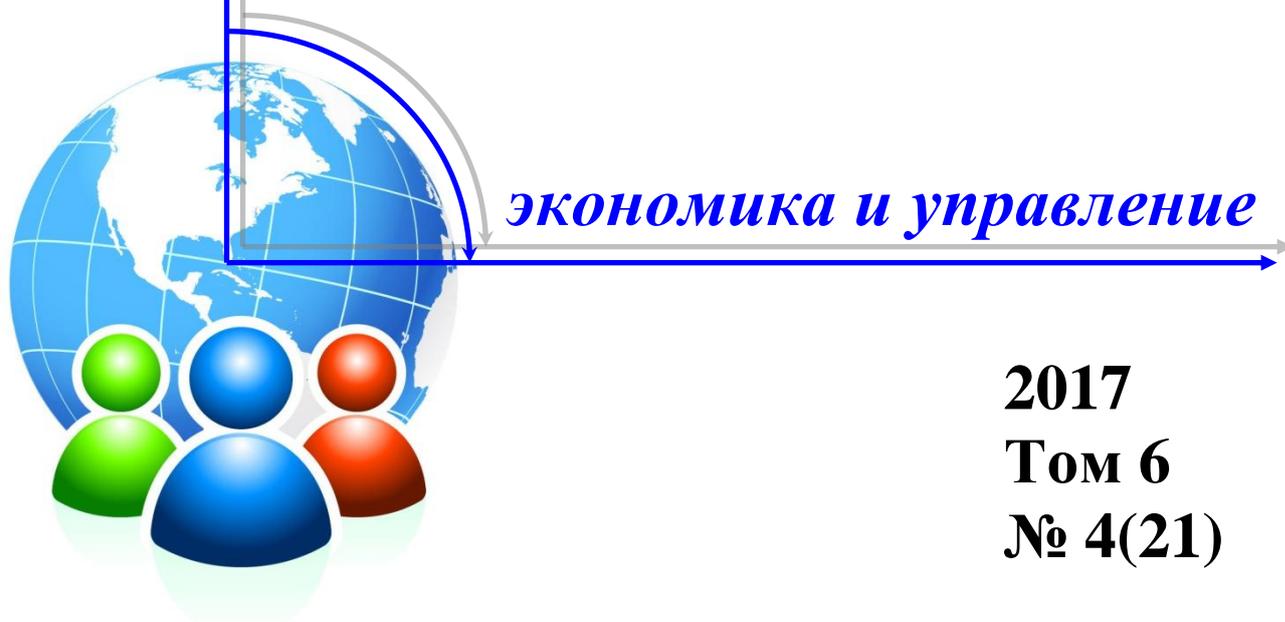

16+

ISSN 2309-1762

Азимут научных исследований:

экономика и управление

2017

Том 6

№ 4(21)

Вафин Артур Мансурович, MA in Counselling, кандидат политических наук,
доцент кафедры политических и правовых учений

Московская высшая школа социальных и экономических наук (РАНХиГС при Президенте РФ)
(119571, Россия, Москва, пр-т Вернадского, 82, корп. 2, 2 этаж, artvafin.ru)

Аннотация. Философы-экзистенциалисты утверждают, что человек – всегда чужой в этом мире, он песчинка в пустоте непонимания и неприятия. «Ад – это другие», – говорит философ Жан-Поль Сартр. Другие – это люди, конкретные личности, группы, массы, индивиды, скрывающиеся за масками организаций и институтов. Другие – те, кто не принимают человека во всей его уникальности, красоте, изысканности и угловатости. В любом социальном контексте человек неуместен. Человек всегда находится во фрустрированном состоянии, потому что он всегда кому-то да когда-то чужд: в метро, на работе, в семье, не говоря уже о человеке, который перебрался или перебирается в другую страну, а уж тем более, когда мы говорим о людях с амбициями бизнесменов или политиков. На границе неприятия, исходящего как от «я», так и от «мы», возникает маргинальность. В предлагаемой статье рассматривается феномен политической маргинальности. Дается типология политических маргиналов. Анализируется психология политических маргиналов, преломление маргиналов в идейно-политическом контексте.

Ключевые слова: политическая маргинальность, политическая психология, идеология, типология маргинальности, квазимаргинал, супермаргинал, фашизм, анархизм, национал-социализм, либерализм, консерватизм

POLITICAL MARGINALITY: PSYCHOLOGY AND IDEOLOGY

Vafin Arthur Mansurovich, Master of Arts in Counselling, PhD in Political Science, associate professor
Moscow School of Social and Economic Sciences

(The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)
(119571, Russia, Moscow, Prospect Vernadskogo, 82, building 2, artvafin.ru)

Abstract. Existentialist philosophers state that a man is always an alien in this world; he is a grain of sand in the emptiness of misunderstanding and rejection. The philosopher Jean-Paul Sartre said, «Hell is other people». Other people are specific persons, groups, masses and individuals hiding behind the masks of organizations and institutions. Other people are those who don't accept human beings in all their uniqueness, beauty, elegance and clumsiness. A man is inappropriate in any social context. A man is always frustrated being alien to somebody at times: on the underground, at work, in a family, not to mention a person who has moved to or is in the process of moving to another country. The same goes for ambitions of businessmen and politicians. The personal and collective act of rejection results in marginality. The following article is devoted to the phenomenon of political marginality. To put it precisely, the author gives the classification of political marginals. In addition to that, author analyses the psychology of political marginals and their presentation in the political and ideological context.

Keywords: political marginality, political psychology, ideology, types of marginality, quasi-marginal, super-marginal, fascism, anarchism, Nazism, liberalism, conservatism

Первым из ученых непосредственно о феномене маргинальности заговорил Роберт Эрза Парк в статье 1928 года «Человеческая миграция и маргинальный человек» [1]. Социолог транскрибировал «маргинального человека» на опыте адаптации евреев-иммигрантов к американской действительности. Парк говорил о двух культурных контекстах: контекст американской культуры как место прибытия того, у кого имеется иной культурный бэкграунд, иной культурный контекст в сознании, памяти. Борьба двух культурных контекстов в социальной и личной сфере порождает маргинальность. Следует отметить, что описываемый Парком феномен, несмотря на очевидную связь с социальной психологией, в первую очередь социологичен и никоим образом не связан с политической наукой.

Парк проложил тропинку к исследованию маргинальности как таковой. Спустя почти 40 лет с момента выхода его статьи начинается разговор о политических маргиналах. Иницируют его в 1967 году два автора, Ирвин Льюис Горовиц и Мартин Лейбовиц, в тексте «Социальная девиация и политическая маргинальность» (был перепечатан в 1968 в журнале «Социальные проблемы») [2]. Даже из названия заметна проблема, характерная для Горовица и Лейбовица: эти авторы смешивают феномены социальной и политической маргинальности.

Современные политологи, политические психологи, философы, социологи и другие представители гуманитарных наук должны понимать, что политическая маргинальность не тождественна социальной [подробнее об этом см. в: 3, 4]. Политика – это часть общества, она связана с социальными процессами, однако полностью с ними не сливается. Политика – это самостоятельная область и явление. Простой научный пример. Предмет исследований психологов – психика и психические про-

цессы, а в случае, если речь идет о социальной психологии, то ее предмет – психическое в рамках социальных групп и обществ, их поведение, взаимодействия с членами. Предмет политологии – политические процессы. Предмет политической психологии – анализ психологических проявлений в сфере политики, как личностных (анализ психологии политических управленцев и лидеров), так и социально-групповых (от партий до государств).

Что касается Горовица и Лейбовица, то их смешение социального и политического следует рассмотреть через категорию неприятия. Наркоманы или меньшинства для Горовица и Лейбовица априори являются политическими маргиналами. Однако, в современном мире это не так: не всегда неприятие в социальной сфере отражается на политике. Проанализируем ситуацию легализации однополых браков в Соединенных Штатах Америки, которые были полностью разрешены по всей территории страны 26 июня 2015 года (до принятия закона лесби- и гей-браки разрешены в 35 американских штатах из 50). Итак, огромная часть американского общества может отрицать однополые браки – и это социальное явление. Противники однополых браков могут порицать поведение геев и лесбиянок, однако на политическом уровне этот вопрос уже решен. Поэтому если американский гомосексуалист или лесбиянка пожелают войти в политическую систему США, то политическая система этому не будет сопротивляться. Сопротивляться может социальная система: только для определенных социальных групп гомосексуальный политик будет маргиналом, причем маргиналом социальным, а не политическим. Клеймо гомосексуальности может повлиять на политическую карьеру, однако, это косвенное влияние на политику из социальной сферы.

Некоторые авторы, исследующие маргинальность,

говорят о целой идеологии маргинальности. Так, Дженис Перлман отмечает, что идеология маргинальности сильна в бразильских фавелах, скоплении трущоб на склонах гор. В книге «Миф маргинальности» Перлман утверждает, что нищие жители фавел зачастую гордятся своим положением, тем самым психологически противопоставляя себя среднему и высшему классам общества [5]. Однако обратим внимание на то, что данная идеология в большей степени носит социальный характер. Обозначенное коллективное сознание (гордость за то, что бедняк) было характерно для рабочих, солдат и крестьян во время революции в имперской России. Большевики умело политизировали социальные проблемы и получили доступ к неограниченному ресурсу власти (ср. пример с указанными однополыми браками в Америке).

В книге «Западно-европейские цыгане» Золтан Барани анализирует политическую маргинальность и этническую мобилизацию [6]. Автор рассматривает источники политической маргинальности в сфере этнической (национальной) политики, такие как: дефекты в мобилизации (слабое лидерство, бедная организационная работа и не скоординированные политические кампании), государственная и общественная дискриминация (запретительные меры и законы, попытки ввести разделение политических партий по этническому признаку).

Как отмечает Мауро Джарделло, автор книги «Маргинальность и современность», концепт политическая маргинальность предполагает отсечение маргинализированных групп от принятия решений и исключение из властных кругов [7]. Такое определение является половинчатым, т.к. отсекает активность политического маргинала, полностью делая его зависимым от политической системы.

Погружая политических маргиналов в контекст политической психологии [также см.: 8], следует выделять следующие их типы:

1. *Квасимаргинал*. Его психологическое состояние: быть особенным, но при этом старательно пытаться стать частью системы. Изменять систему и изменяться самому.

2. *Супермаргинал-трансформатор и ригидный супермаргинал*. Супермаргинал-трансформатор готов изменять систему, но не готов изменяться сам. Ригидный супермаргинал не готов ни изменяться, ни изменить систему. Ему комфортно существовать в своей параллельной реальности.

В гуманитарных науках законы – явление редкое по той причине, что существуют они (законы, правила) до тех пор, пока существует социальный или политический предмет, из которого они выводятся. Пока существуют организации, будет существовать «железный закон олигархии» Роберто Михельса. Сложнее с «классами» Маркса и теорий страт. Тем не менее, допустимо обозначить законы квази- и супермаргинальности.

Законы квазимаргинальности:

1. Любой квазимаргинал может стать частью системы, следовательно, преодолеть свою маргинальность.

2. Любой квазимаргинал может стать супермаргиналом.

Законы супермаргинальности:

1. Супермаргинал-трансформатор может стать квазимаргиналом.

2. Ригидный супермаргинал в сфере политики может выйти за пределы политического и перейти к практикам физического насилия. Ригидный супермаргинал живет в области политического, однако граница политического очень тонка, то, что находится за ней – это война и террор.

Анализируя маргинальность любого вида с позиции психологии, следует учитывать то, что рождаясь, человека опутывают миллионы сетей и контекстов. Социолог Норберт Элиас сравнивает человека с шахматной фигурой, которая совершает ход, а в ответ сыплот-

ся тысячи ответных ходов, никак не прогнозируемых и никак не калькулируемых. Психоаналитики могли бы назвать такой процесс социальным бессознательным. Не коллективным бессознательным, о котором писал психоаналитик Карл Юнг, а бессознательным, которое слепо по отношению к индивидуальности человека. Человек приходит в этот мир – и этот мир не пустота, а как было сказано, – контексты, социальные сети, институты. Согласно структуралистской теории институты (структуры) полностью довлеют над человеком. Бытие до такой степени определяет сознание, что места личности не остается.

Куда рождается человек, спрашивали себя многие мыслители? Ответ XX века: человек рождается в социальное, в язык определенной культуры и повседневность определенной семьи. Тем не менее, человек – это часть от целого. «Человек есть сознающая себя жизнь, он постигает себя, своего ближнего, свое прошлое и возможности своего будущего. Это восприятие себя как отдельного существа, понимание краткости собственной жизни, того, что он не по своей воле рожден и вопреки своей воле умрет, что он может умереть раньше, чем те, кого он любит, или они раньше него, ощущение собственного одиночества, беспомощности перед силами природы и общества – все это делает его отчужденное, разобщенное с другими существование невыносимой тюрьмой. Он стал бы безумным, если бы не мог освободиться из этой тюрьмы, покинуть ее, объединившись в той или иной форме с окружающим миром и людьми» [9], – пишет психолог Эрих Фромм.

Что же делать человеку? Как не стать безумным? Как побороть тревогу, возникающую из чувства отчужденности, когда «я» отделено от «мы»? Как справиться с ситуацией, что «мир может наступить на меня, а я при этом не в силах противостоять ему» (Фромм)? На эти вопросы есть ответы не только у психологов. Политики и теоретики-идеологи также внесли свою лепту.

Так, сторонники либерализма и более радикальные, чем либералы анархо-индивидуалисты утверждают, что человеку не следует бояться отделения от «мы». Под «мы» здесь необходимо понимать государство, общество, нацию и даже группы (от семьи до рабочего коллектива). Как говорил основоположник индивидуалистического анархизма Макс Штирнер, «ничто – вот на чем я построил свое дело».

В «Единственном и его собственности» Штирнер доводит до предела восхваление эгоизма:

Я пою, как птица,

Что живет среди ветвей;

И песня, рвущаяся из груди,

Достаточная мне награда.

Я пою – потому что я певец.

Ваши же я пользуюсь, потому что мне нужны уши [10].

Приведенный пример – крайний взгляд на природу человека. Этот взгляд культивирует «я», отдаляя его от «мы». «Мы» для такой идеологии – это всего лишь инструмент для удовлетворения собственных потребностей.

Что касается либерализма, то как отмечает либеральный теоретик Фридрих фон Хаек, «основополагающий принцип заключается в том, что, организуя ту или иную область жизнедеятельности, мы (либералы – авт.) должны максимально опираться на спонтанные силы общества и как можно меньше прибегать к принуждению».

В идеологии социализма «мы» имеет первостепенное значение. Социалисты не отрицают «я» человека, если речи не идет о крайних формах социалистических утопий. Так или иначе, социалисты утверждают, что «мы» – это то, что способствует сохранению «я». Без «мы» – «я» всего лишь единица, которая не справится с задачами, которые по силам массам.

В идеологии консерватизма «мы» и «я» фактически равнозначны. «Я» рождается из «мы». Идеологический

идеал консерватора – баланс сил «я» и «мы», их гармоничные взаимоотношения. Например, в семье «я» (ребенок) уважает «мы». В данном случае, «мы» – это родители и сам ребенок («я»), т.к. он является частью от целого семьи. Точно также и с родителями. Если родители не ценят и не уважают своего ребенка, то и благо целостности семьи ставится под сомнение.

Схожая логика работает на макро-уровне (государство, общество). Абстрактное «я» в виде конкретного человека и конкретных субъектов социального (работники, профсоюзы, корпорации) должно стремиться к сохранению «мы» в целях собственной и общей безопасности, в целях персонального и общего блага. С другой стороны – государство («мы») должно проявлять заботу о своих гражданах, потому что без них оно не существует. Таков консервативный идеал.

При этом консерватор готов признать тотальное поражение, если эгоистические интересы «я» разрушат коллективные «мы». В «Рассуждениях о Франции» Жозеф де Местр признает, что в революции во Франции виноваты сами французы. Будучи человеком религиозным, Местр отмечает, что Франция была наказана высшими силами: «Были народы, в буквальном смысле слова приговоренные к гибели, подобно преступным лицам, и мы знаем, почему. Если бы в предначертания Господа входило раскрытие его помыслов относительно французской революции, то мы бы прочли приговор о наказании французов, как читаем постановление судебной палаты. Но что более мы бы узнали? Разве это наказание не очевидно? Разве мы не увидели Францию обесчещенной более чем ста тысячами убийствами? А всю землю этого прекрасного королевства заставленной плахами? Эту несчастную землю напоенную кровью ее детей, жертв убийств по суду, в то время как бесчеловечные тираны ее истощают вне пределов страны – в жестокой войне, которая поддерживается ими ради их собственного интереса? Никогда самый кровавый деспот не играл с жизнью людей с такой наглостью; и никогда покорный народ не являлся на бойню с большей охотой. Железо и пламень, холод и голод, лишения, всевозможные страдания – ничто не отвращает его от мук; должна исполниться судьба всех, кто оказывает преданность: отнюдь не увидим неповиновения до той поры, пока не свершится суд» [11]. Таким образом, консерватор признает стихийное разрушение, пускай и сделанное руками человека. Чего консерватор признать не может, так это сохранение разрушительности, разложения «мы».

Несмотря на различные акценты, либерализм и консерватизм исследователи традиционно относят к правым идеологиям (социализм относится к левым идеологиям). История знает примеры крайне правых идеологий – фашизм и национал-социализм.

Для фашизма и нацизма характерно то, что «я» должно раствориться в «мы». Для фашистов человек должен полностью раствориться в государственном котле. Нацисты превыше всего ставят нацию, именно этой форме «мы» должно отдать себя «я».

Фашизм и нацизм прославляют физическое насилие. Уничтожение врагов – обычная практика для этих идеологий. Обе идеологии таким способом принуждают к несвободе. Поэтому английский философ Бертран Рассел заблуждается, когда пишет о том, что нацист Гитлер был последователем протосоциалиста Жан-Жака Руссо. Последний призывал к свободе, а не к рабству.

Любая политическая идеология имеет свои оттенки, она подобна саду расходящихся тропок, где каждое ответвление говорит о чем-то своем. Обозначенные идеологии представлены в форме высокого уровня философской абстракции. Абстрагирование позволяет схватить сущностные черты различных идеологий, их взгляд на место «я» в этом мире.

Изначально идеология задумывалась как наука. Спустя многие годы она превратилась в политическую и даже в психотерапевтическую практику. В контексте

разговора о политических маргиналах будет уместно упомянуть три уровня идеологии, идеологии без применения политики, идеологии как чистого явления.

Выделяют следующие уровни идеологии:

1. *Личная идеология* – ваша персональная идеология. Данный термин впервые употребил психолог Сильван Томкинс, учитель известного специалиста по поведению и психологии эмоций Пола Экмана. Под личной идеологией Томкинс понимал персональную философию человека, завязанную на рационализированные (осознанные) эмоции, которые психолог именовал ценностями.

2. *Идеология группы* или *идеология в организации* – ценности и групповые нормы, как формального, так и неформального характера.

3. *Идеология макросообщества* – дискурс государства, национальная идея и интерес, все то, что создает в современных условиях гражданскую нацию, объединяет реальных людей в мире символической политики и воображаемого сообщества.

Говоря о политических маргиналах, следует понимать, что действуют они в рамках публичной политики, следовательно, пытаются оказать воздействие на идеологию макросообщества. По крайней мере, такой подход значим для квазимаргиналов.

Супермаргинал-трансформатор, как было указано ранее, готов изменять систему, но не готов изменяться сам. Это означает, что он может оказывать воздействие на идеологию макросообщества, при этом его личная идеология и идеология его группы, партии или иной политической структуры, – все они остаются неизменными. Если квазимаргинал выдвигает свои идеи, суждения и ценности готов их обтесать, привести под нужды господствующего дискурса, то супермаргинал-трансформатор этого делать не будет. Он будет стремиться навязать свою идеологию всему политическому союзу – государству. Учитывая, что ригидный супермаргинал не готов ни изменяться, ни изменять систему, то идеология его замкнута в политической группе, которую представляет данный политический маргинал. Отличие супермаргинала-трансформатора от ригидного супермаргинала в идеологическом плане заключается в том, что трансформатор предпринимает попытки изменить систему легальным путем, не подстраиваясь под нее; ригидный супермаргинал, обитая в мире собственной утопии, либо остается неподвижным (в плане политического – символического действия), либо выходит за рамки идеологической риторики, приступая к практикам насилия, что выводит его за рамки политики.

Что касается личной идеологии, то учитывая ее изначально неполитический характер, у политических маргиналов может быть какая угодно персональная философия. У каждого человека своя личная идеология. Политические маргиналы здесь не исключение. Гипотетически личная идеология политических маргиналов может быть связана с ценностью протеста. У квазимаргинала и супермаргинала-трансформатора протест направлен на политическую систему. Их различия лежат в методах публичного поведения: один частично подстраивается под систему, другой нет. Протест ригидного супермаргинала ограничивается малым.

Узнать, что в голове у политического маргинала можно через публичные выступления. Это один из источников информации о них. И этот источник предельно ограничен. Лучшим для понимания психологии политических маргиналов был и на ближайшее время будет метод глубинного интервью.

Политические маргиналы могут исповедовать любую из популярных политических идеологий. Ригидные супермаргиналы предпочитают фашизм и анархизм. Маргиналы-трансформаторы и квазимаргиналы могут вполне ужиться с традиционными идеологиями: консерватизм, социализм, либерализм.

Психология политических маргиналов и политическая маргинальность в целом как политический фено-

мен – предметы малоизученные. Нынешним и будущим исследователям только предстоит, учитывая политические тренды в современном мире, погрузиться в данный вопрос. Исследуя любые маргинальные явления, ученые не должны забывать, что «маргинальность», как и любое другое понятие социальных наук, должны использоваться исключительно в нормативно-нейтральном ключе. Слово «маргинал» – не оскорбление, а термин из исследовательского словаря. Можно соглашаться или не соглашаться с идеей о том, что человек человеку чужак и все люди хотя бы на частицу отчуждены друг от друга, однако непреложным остается следующее: к человеку следует относиться по-человечески, какую роль вы бы не принимали, от ученого-политолога до политика, политического коуча или психолога.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Парк Р.Э. Человеческая миграция и маргинальный человек // Социальные и гуманитарные науки. 1998. Сер. 11. Социология. № 3.
2. Horowitz I.L., Liebowitz M. Social Deviance and Political Marginality: Toward a Redefinition of the Relation Between Sociology and Politics // Social Problems. 1968. Vol. 15. №3.
3. Вафин А.М. Политические маргиналы в России и Европе: Лимонов, Фортейн, Кон-Бендит и другие случаи. М.: Канон+, 2016.
4. Гражданское и политическое в российских общественных практиках. М.: РОССПЭН, 2013.
5. Perlman J.E. The Myth of Marginality: Urban Poverty and Politics in Rio de Janeiro. University of California Press, 1979.
6. Barany Z. The East European Gypsies: Regime Change, Marginality, and Ethnopolitics. Cambridge University Press, 2002.
7. Giardiello M. Marginality and Modernity. Routledge, 2016.
8. Вафин А.М. Политическая маргинальность: к проблеме типологии политического лидерства // Психология и психотехника. 2013. №9.
9. Фромм Э. Искусство любить. М.: АСТ, Neoclassic, 2017.
10. Штирнер М. Единственный и его собственность. Харьков: Основа, 1994.
11. Местр Ж. де. Рассуждения о Франции. М.: РОССПЭН, 1997.

Статья поступила в редакцию 24.10.2017

Статья принята к публикации 24.12.2017